

Контора. Начало

Заседание Пленума ЦК КПСС от 16 октября 1952 года.
Стенографический отчёт не вёлся, текст выступлений восстановлен по воспоминаниям участников.

Товарищ Г.М. Маленков:

— Слово для доклада предоставляется товарищу Сталину...

Аплодисменты, здравицы, радостные, навстречу вождю, улыбки. Но что-то на этот раз пошло не так.

Обойдя сзади стол президиума, докладчик спустился к стоявшей на несколько ступенек ниже трибуне. Встал, замер, внимательно, цепко и тяжело оглядывая зал. Поднял руку, призывая к тишине. Начал говорить без бумажки, без конспекта — заранее заготовленных слов. Говорить жёстко, а местами более чем жёстко, почти свирепо. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, без привычных шуток и улыбок, — все это привело всех сидевших к какому-то тревожному оцепенению.

Товарищ И.В. Сталин:

— ...Мы провели съезд партии. Он прошёл хорошо, и многим может показаться, что у нас существует пол-

ное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Стоит вспомнить слова Ленина из «Заявления редакции «Искры»: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Смысл выражения: объединение будет прочным только тогда, когда его участниками станут люди с общими целями и интересами. Для этого нужно «размежеваться» с теми, кто не отвечает этому условию и не может быть участником этого объединения. ...Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрём, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесёт вперёд. ...Всё это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. ...Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счёт? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. ...Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел... Нельзя пройти мимо его недостойных поступков. ...Теперь о товарище Микояне...

Молчит, каменеет зал, мертвенно замер Президиум, что-то дальше будет, кого еще назовёт товарищ Сталин, шагнёт ли дальше Молотова с Микояном и не придётся ли кому отсюда к стенке шагнуть?

— ...Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе. ...Предлагаю избрать в Президиум ЦК КПСС следующих товарищей: товарища Сталина, товарища Андрианова, товарища Аристова, товарища Берию, товарища Булганина, товарища Ворошилова, товарища Игнатьева, товарища Кагановича...

И фамилии новые, незнакомые: товарища Пономарева, Сулова, Брежнева...

Голос с места:

— Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарём ЦК КПСС.

Товарищ Сталин:

— Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Г.М. Маленков на трибуне:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарём ЦК КПСС.

Аплодисменты.

Товарищ И.В. Сталин:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

А.П. Берия с места:

— Других кандидатур, кроме товарища Сталина быть не может!

С.К. Тимошенко:

— Товарищ Сталин, народ не поймёт этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарём ЦК КПСС. Другого решения быть не может...

Стучат стулья, зал в едином порыве встаёт и горячо и долго аплодирует. Только отчего-то все какие-то деревянные, а в Президиуме бледные, сосредоточенные лица. Берия очи долу опустил, платок комкает. У Маленкова руки трясутся.

— Спасибо, товарищи.

Идут гости, разбредаются по коридорам, сбиваются в кучки, стоят оглушённые, растерянные, говорят шёпотом. Кто-то что-то понял, кто-то недопонял, но все сообразили, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Слышал?

— Слышал.

— Понял?

— А чего не понять? Коба молодёжь в Президиум тянет. Зачем только?

— Значит, не всё услышал. Отчего он про Ленина, чуть не через каждое слово? Потому что ситуация как в двадцать втором, когда Ильич силу и власть терять стал, а Коба... Теперь он по тем же лекалам...

Шепчутся гости.

— ...Зачем такой Президиум и Секретариат?

— Затем, что арифметика: коли из девяти членов Политбюро пять-шесть исчезнут, то любой заметит, а если из тридцати шести — десяток... А молодые... они не опасны, они пока еще щенята без клыков — лизать

могут, а укусить нет. Вот он их и тащит под себя, чтобы свору собрать, которая будет всякого рвать, не заду-мываясь, только «Ату!» скажи.

— Так ты думаешь?

— Все думают, кто... думает. Хозяин «стариков» валь-ить будет. Или... они его.

— Ты что? Как такое можно?

— А Вознесенский, которого Коба в приемники пророчил — не Хрущёва, не Берию, не Маленкова — его. Помнишь? И где он теперь? Его по-быстрому к Ленинградскому делу подвязали и крутить стали. Сталин сам, собственной рукой на деле написал: «Не верю!» — я-то дело лично видел. И что?.. Всех обвиня-емых через час после оглашения к стенке поставили, а Вознесенского еще три месяца по тюрьмам муры-жили, хозяина опасаясь, а после заморозили на грузо-вике, в летней одежде прокатив. Укусили «соратни-ки» хозяина, и пребольно. Только он сглотнул, потому что не дурак. Но всё понял и свою игру повёл. Ты при-кинь, какие за последние пару лет были перетасовки. То-то...

— Теперь, сегодня, здесь хозяин войну объявил, считай, в открытую. Как он на зал смотрел, словно ис-пытать, понять хотел, кто за ним пойдёт. Да разве кто такое еще вчера представить мог? Ты Президиум ви-дел, у них глаза на лоб и штанишки мокрые. Переиграл их хозяин. Сегодня. А вот что завтра будет... Так что нам теперь выбирать, чьей стороны держаться, чтобы голову не потерять. Такие дела...

— Да ведь стар он уже.

— Стар, да кусуч. На съезде два дня назад пятнад-цать минут по бумажке читал, а здесь полтора часа как кувалдой молотил! Может, у него клыки и поисточи-

лись, но только он многих еще порвать может. На то он и хозяин!..

— Да, не прост. Похоже, большие дела затеваются, как в тридцать седьмом. Тогда он победил, скверну вывел, а нынче не известно, кто верх возьмёт. Старики, они крепко сидят, а молодёжь, на которую хозяин ставит, твякать научились, а чтобы в глотку вцепиться — росточка может не хватить.

— Не скажи, Лёнька Брежнев — офицер с самого передка, с десантом ходил.

— То война, там всё понятно — позади свои, впереди — враги, за Родину, за Сталина: «Ура!» А здесь хрен разберёшь, кто свой, кто чужой и откуда удара ждать. Что-то будет...

— Будет... Польётся кровушка. Под ковром война тихая, но до смертушки. Тут или хозяин верх возьмёт или его... Раньше бы я на него поставил. А теперь... теперь не знаю.

Высокий каменный забор, фонари-тарелки через каждые десять метров, за капитальным — еще один, дощатый забор, колючка поверху. Но отчего-то не видно вышек с вертухаями, не слышно команд, и даже собаки не лают. Что это? Зона? Не похоже. Но и похоже — въезд один, стерегут его краснопёрые с автоматами и между заборов по периметру бродят. А зэки где?

Зэки в большом кирпичном здании, в белых халатах и ботиночках вместо валенок и сапог. Сидят зэки, что-то в тетрадах пишут, чего-то считают, на кульманах чертят, на школьных досках мелком выводят. «Шарашка». Отсюда не убегают, нет дураков менять кро-

ватки с чистым бельём на нары, а ручки и счёты — на топоры и пилы. Здесь, конечно, не воля, но в сравнении с Магаданом — санаторий ВЦСПС. Курорт.

— Слушай, это что за хрень, и еще посередке высовывается, как собачий...

— Линейка логарифмическая это.

— Какая линейка? Линейка — щепка струганая, а эта с палец толщиной.

— На ней считать можно.

— На линейке? Да брось ты... А ну, покажь...

Кульманы рядком, за каждым чертёжник с карандашиком и ластиком. Стоят, смотрят, линейчки туда-сюда двигают. Лица умные, сосредоточенные.

— Слышь, Партизан, новый карандаш нужен.

— Тебе с утра три дали!

— Их нет уже. Ну, блин, ломаются они. Я точу, а они ломаются.

Ну да, такими ручищами только карандаши точить. Тут лом в самый раз. И ватман на кульмане, как мишень на рбтовой фигуре, весь в сквозных дырках.

— Ты что, опять чертить пытался?

— Ну да. Я же этот, как его... сектант.

— Проектант! Тебе чертёж повесили, вот и стой возле него, не суйся своими граблями куда не просят. И халат постирай, не на лесоповале!

А что там дальше? Аудитория, доска на стене, изрисованная какими-то бесконечными математическими формулами и схемами. Люди в халатиках, смотрят, мелком пишут. И разговор между ними такой, что с непривычки уши вянут.

— Тут вы, коллега, не правы... Мы не можем принять ваши выводы относительно ранее предложенной гипотезы.

тезы, так как данное значение Икс не может колре... колле... коре... Тьфу, хрень какая, не выговоришь! Коллер...

— Коррелироваться. Учи, блин, чтобы каждая буква от зубов отскакивала. Или зубы выскочат. Ты учёный или где?

— На хрена нам всё это? Доски, формулы...

— Затем, что тебя не спросили! А ну как барбосы нагрянут, а ты двух слов связать не можешь, синус от косинуса отличить. Коллега, маму твою в подворотне всемером! Учи! И чтобы каждую формулу с доски протарабанить мог, как «Отче наш»! Вечером проверю!

Трудятся зэки, пыхтят за кульманами, работёнка, конечно, не пыльная, но приноровиться к ней с ходу не получается.

Вечером построение.

Белоснежно-халатный строй, развёрнутый вдоль коридора, мысочек к мысочку, грудь — вперёд, язык... понятно куда. Перед строем командир вышагивает.

— Значит, так... Тут кое-кто спрашивает: «Зачем да почему?» Объясняю для особо... одарённых. Затем, что вы, маму вашу, учёные, которые куют оружие для окончательной победы над мировым империализмом, поэтому собраны сюда с зон и крыток. А кто не хочет или не может, того держать не будем. Тому кайло в руки и тачку под ноги. Здравствуй, солнечный Магадан.

Молчит строй — не хочется в Магадан на общие, пригрелись они тут, щёчки на краснопёрых харчах наели, бока на матрасах ватных отлежали. Не жизнь — малина сладкая. Но только страшно: вдруг их кто спросит, чем они тут занимаются, и на туфте подловит?

— Мы ж ни черта не понимаем.

— Барбосы тоже! Вам понимать не нужно — травы тухлятину и глазки строй, типа, отвечаешь за базар.

Если что, Башку зовите, он при науке состоял, отбредется.

Башка точно целым НИИ рулил, чего-то там для военных клепаля, с самим хозяином за ручку здоровкался, только на поверку вредителем и японским шпионом оказался, хотел тоннель в Америку прорыть и через него со всеми секретами сбежать. За что и схлопотал четвертак, ладно хоть «лоб зелёной» не помазали.

— Скажи им, Башка.

— Тут так... Если барбосы на исповедь потащат — крутите им пуговицу или враз засохните, а коли какие фраера в клифтах базлать станут, берите их на понт, типа, не гони пургу, начальник. Да не менжуйтесь, буром прите, эти головастики сами не рубят, о чём меж собой базарят. Лохи они, только и могут что тарыхтеть. Главное, не очкуйте, не шелестите, и всё будет ништяк.

Толково всё Башка объяснил, сразу видно — учёный человек, профессор при степенях и орденах. Был.

— Тогда без базара.

Командир скомандовал:

— Слушать сюда! Работаем в две смены: первая формулы зубрит, вторая — спортзал, тир и рукопашка. Потом приём пищи, оправка и смена. Вопросы есть?

Ну какие могут быть вопросы у недавних эков, а теперь... А кто они, собственно? Сняли их с нар, пригнали этапом в карантинный лагерь, где заставили ножички метать и по полосе препятствий зайчиками скакать, чтобы они своё боевое прошлое вспомнили, так как чуть ли не каждый в той большой, недавней, войне десантными ротами и батальонами на передке командовал, в тылы немецкие за «языками» ходил, партизанил или в немецкой разведшколе лямку тянул, как Абвер. Не мальчиков в тот лагерь собрали — головоре-

зов, один другого краше. А после кровью повязали, статьи расстрельные навесив, чтобы они дёру не дали, и проверочки учинили, о которых вспоминать тошно. После уже в халатики переодели и сюда, в Шарашку, к кульманам определили. Зачем? То только богу и куму ведомо. Зэки про жизнь свою далеко не загадывают: сегодня жив и ладно, а завтра — будет завтра.

— Всем отбой. Караулам на периметр, дозорам по НП. Разойдись!

Чудное дело — они сами себя вместо вертухаев охраняют, да не просто так, а с карабинами и автоматами за плечами! Разве может такое быть?

Выходит, может. К чему только?

Кабинет, стол, стулья, портрет вождя на стене в золочёной рамочке... Но не такой кабинет, где в приёмной толпы толкуются, а рабочий, для личных встреч и частных, с глазу на глаз, разговоров.

За столом человек в пенсне, которого в стране всякая собака знает и боится, от одного вида хвост между ног поджимая. Смотрит из-под «стекляшек» ласково, так что по коже мурашки бегают и пот по спине.

— Что скажешь, Пётр Семёнович?

— Всё сделал как приказано: подразделение передислоцировал в ближнее Подмосковье. Карантинный лагерь заполнил случайными зэками из бывших военных, которые по полосе препятствий бегают. Если со стороны смотреть — почти ничего не изменилось. На подходах на всякий случай дозоры выставил.

— Дымовую завесу поставил?

— Можно сказать, так.

— Хвост не потянул?

— Никак нет. Маршрут на три части разбил, чтобы этап не засветить. Людей гнал вслепую, кроме меня никто конечного пункта не знал. Документы подчистил — все зэки сактированы, проведены по бумагам через санчасти как умершие, похоронены в общих могилах, личные дела сданы в архив с соответствующими пометками.

— А кто не подошёл?

— «Выбраковка» зачищена на месте либо направлена в дальние лагеря особого режима, где долго не заживаются.

— А если они на блатные должности сядут?

— В сопроводительных документах сделаны пометки: использовать только на общих. Я думаю, что их уже никого нет в живых.

— Сколько человек у тебя?

— Три полных взвода.

— Не мало?

— У меня каждый боец пятерых стоит: все офицеры, разведчики, с самого передка. В боях и рейдах участвовали, на ту сторону за «языками» ходили, боевые награды имеют. Ну и в карантинном лагере не баклуши били — многому научились. Головорезы.

— Командиры?

— Четверо. Кавторанг — боевой офицер, десантами командовал, в рукопашку с фрицами сходил. Морская душа, ни черта не боится. Личный состав в кулаке держал: матросиков, которые с поля боя бежали, перед строем собственноручно шлёпал, чтобы других на пулемёты поднять. Ранения, награды, штрафбат.

— Дальше.